

ПАМЯТЬ О ПОДОЛИИ

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ
ЛУЦЫК (1859-1909)

В №5-2019 газеты "За Русское Дело" мы поместили короткое повествование Василия Ваврика об одном из лучших писателей Галичины конца XIX - начала XX вв. Речь идет о Владимире Луцыке. Родился он в подольской деревне (тогдашняя Австро-Венгрия). Став взрослым, перебрался во Львов, где печатал статьи и стихи в различных периодических изданиях, в частности, газете "Галичанин". Отдельными изданиями вышли также сборники его рассказов, которые перепечатывались и в Великороссии. Удивительная деталь: практически все русские поэты, писатели и журналисты того времени писали на прекрасном богатом русском литературном языке. И это притом, что в Австро-Венгрии не только не поощрялось изучение русского языка, но наоборот - всячески препятствовалось и запрещалось властями под разными предлогами. И это несмотря на то, что русское население империи составляло 4 миллиона. Галицко-русские писатели - краса и гордость карпатской литературы - никогда не жили в Великороссии, никогда даже не посещали ее. На великолепном русском литературном языке писали журналисты Осип Мончаловский (1858-1906) и Юлиан Яворский (1873-1937), поэты Мариан Глушкевич (1877-1935) и Илья Тёрох (1880-1942), писатели Владимир Хилляк (1843-1893) и Владимир Луцык (1859-1909) и другие - всех трудно перечислить. Печатались их статьи в местных газетах и журналах, издавались их книги рассказов и повестей. Творчество карпатроссов стало богатой неотъемлемой частью русского литературного наследия. К сожалению, пока их произведения не слишком известны на их духовной родине - Руси, и в некоторой степени мы медленно, но верно забываем этот пробел... Предлагаем вашему вниманию, дорогие читатели, рассказ Владимира Луцыка "Зазулька" - картинка крестьянской жизни Подолии в ее печальной красоте...

Наталья ГАТТАС

ЗАЗУЛЬКА

В наших лесах, садах и огородах живет жучок, называемый крестьянами "зazuлька". Это крошечное насекомое, круглое, с маленькой головкой и красными, о семи черных пятнышках, крыльями. Напуганная "зazuлька" прячет под себя ноги и притворяется мертвой, чтобы в удобную минуту распростереть крылья и улететь от опасности. Крестьянские дети любят этого жучка и ловят его, чтобы пошутить над его испугом и притворством, но не делают ему никогда зла.

С жучка перенес народ название "зazuлька" на людей, пользующихся особой симпатией, в первом ряду на баловней-ребятишек и на красоток-девушек. Мать, лаская дитя, называет его "зazuлькой"; под влиянием любовной страсти шепчет парень избраннице своего сердца "моя зazuлька". Впрочем, уже в самом этом выражении звучит нежность, ласка, любовь...

"Паныч" приехал! Это целое собы-

тие для села Заречья, отстоящего несколько миль от города, и вследствие того, от культуры вообще, и представляющего собою настоящую глушь, тем более, что вся "интеллигенция" Заречья состоит из священника-аристократа, считающего униженным для себя общаться со своими прихожанами, и из прибитого бедностью и страхом перед сильными мире сего народного учителя.

"Паныч", о котором заговорили сразу все жители села, был единственным сыном местного приходского священника, о. Михаила де-Стрелинского. Это "де" добыли предки о. Михаила со времен какого-то "круля Цвючка" и бог весть за какие подвиги. Постепенно, однако, терял дворянский герб де-Стрелинских внешний блеск, а о. Михаил исполнял уже совсем не дворянскую должность пастуха помещичьих овец, забыв о своем дипломе, который истребили игравшие им его дети, и крестил старшего сына Михаила по холопскому русскому обряду.

Этому последнему обстоятельству обязан был этот сын принятием в русскую бурсу, а затем в русскую духовную семинарию и, наконец, местом русского священника. Пастух де-Стрелинский умер в винокурне, сварившись в кипящей браге. Зато сын его очистил загрязненный дворянский герб: будучи наблюдательным он усвоил себе светские манеры, пошатался на чужой свет по белу свету и нашел, наконец, богатую жену. Впоследствии он неоднократно, напр., при выборе посла, давал доказательство того, что он "добропорядочный русин", значит: не вмешивается в "политику" и повинуется указаниям князей земских - так что скоро приобрел их милость и с нею дождный приход.

"Порядочным русином" оставался о. Михаил и впоследствии, в таком же направлении воспитал он и своих дочерей Юзию и Маню, а также сына Виктора, кончившего университет и поступившего затем на государственную службу. Где обыкновенно карьера открыта только для избранных.

"Паныч" Виктор был одним из этих избранных. Вскоре после поступления на службу попал он благодаря протекции министра "родака", в министерство, прожил в надунайской столице несколько лет припеваючи, был повышен по службе и затем переведен на родину, а воспользовавшись этою случайностью взял отпуск, чтобы провести каникулы - месяцы июль и август - в доме своих родителей, которых не посещал уже долгое время. Рассчитывал он также на то, что выжмет от отца немного денег на уплату долгов, висевших как Дамоклов меч над его репутацией и дальнейшей карьерой.

Все Заречье только и толковало, что о "паныче". Днем - во время полевых работ, по вечерам - в кабаке шли разговоры о том, в каких чинах он состоит, какая у него должна быть власть, какое громадное жалованье он получает и т.д. Девушки тоже шептались, какой "паныч" красавец и как идут к нему черные шелковые усы. Жаль только, что горд он, как князь, одним словом - как говорится - без бука и не приступай. Гуляет по полям и лесам, встречается девчат-красавиц и - словно их не замечает, не отвечает даже на их стыдливые поздравления. Гордый "паныч"!

Такого же мнения о "паныче" была и горничная о. Михаила, Настуся, называемая всеми - Зазулькой. Она и заслуживала вполне это ласкательное название. Едва расцветающая - ей было 16 лет - стройная, с золотистой косой, с голубыми, как небо, глазами и грациозными движениями, была Настуся-Зазулька красавицей на все Заречье, любимицей степенных мужиков и даже бранчивых баб,

была предметом вздыханий парней и зависти девушек. Но она, казалось, не замечала всего этого. Беззаботная, ко всем ласковая, скрестит, бывало, руки на груди и склонит грустно головку, чтобы через минутку опять залиться серебристым смехом, который обезоруживал всякого, не исключая строгой "еймости", жены о. Михаила. Нрав Настуси и приобрел ей нежное прозвище Зазульки, которым и она сама дарила всякого, к кому ей приходилось обращаться.

В доме о. Михаила Зазулька любила и жаловали. Несколько лет тому назад приоткрыла ее, дочь бедного, обремененного многочисленной семьей лесника как сверстницу младшей дочери о. Михаила "панни" Мани. Сначала вся служба Зазульки состояла в удовлетворении прихотей избалованной девочки, затем возвели ее в горничные с обязанностью убирать комнаты и прислуживать за столом. Зазулька была ловка и исправна, жилось ей весело и беззаботно - она была счастлива...

Приезд "паныча" нарушил покойствие ее жизни... Неоднократно случалось ей слышать болтовню девушек о красоте "паныча" и о других его качествах. Зазулька украдкой проверяла эту молву и нашла ее не преувеличенной. "Паныч" был действительно красавец, какого ей не приходилось еще встречать: настоящий сказочный царевич.

Поневоле стояли у нее перед глазами черты его лица, поневоле думала о нем, даже во сне являлся ей его гордый облик.

Неудивительно, что под впечатлением этих мыслей и снов, Зазулька чувствовала себя вблизи "паныча" стесненною, у нее захватывало дыхание, когда он заговаривал с ней, и руки ее дрожали, когда она подносила ему стакан воды. Злилась за это на себя Зазулька, рада была скрыться, бежать куда-нибудь, но одновременно ей и приятно было посмотреть украдкой на "паныча", услышать его голос, послужить ему чем-нибудь...

Чудны наши июльские ночи! Голубой свод неба весь усеян мерцающими звездами. Бледная луна скользит по нем, как волшебный челнок по зеркальной глади безбрежного моря. Фосфорический свет ее точно заливал землю, серебра дремлющую в объятиях теплого нежного воздуха природы. Едва внятно перешептываются друг с другом деревья, на их листьях вздрагивают озяевшие от запаха цветов алмазные капли росы, радуются своей одноночной жизни. Таинственная тишь разлита во всем мире и только где-то в роще раздаются трели соловья, поющего нежную серенаду своей милой. Чудны наши июльские ночи, дышащие нежностью, страстью, любовью...

Одна из таких ночей выманила и нашего "паныча" в сад. Долго расхаживал он по аллеям. Лучи луны целовали его глаза, запах цветов нежил его душу. Он сам удивлялся своему восторгу и любопытно прислушивался к зазвеневшим нечаянно в его душе новым звукам. "Паныч" не знал до сих пор этих звуков. Его рано научили смотреть на жизнь трезво и относиться к ее явлениям не сердцем, а лишь холодным рассудком. Сегодня, однако, сердце заговорило громче, потребовало своих обиженных прав.

Потонув в мечтах, приблизился "паныч" медленным шагом к цветнику. Вдруг послышался ему тихий вздох. "Паныч" очнулся. В двух шагах от него, обращенная к нему боком, стояла неподвижно русалка со скрещенными на груди руками с поднятой вверх головкой и устремленным на свод неба взором, как бы веряя немую свою речь звездам. Вся залитая светом луны, она казалась олицетворением волшебной летней ночи.

Это была Зазулька. И ей не позволяла уснуть чудная ночь Незаметно выскользнула она из душевной комнатки и вышла в сад к луне и цветам. Она задумалась. О чем? Мысли ее сплетались в последнее время в чудный венок, но вместо цветов являлись глаза, усы, весь облик сказочного царевича - "паныча". И мечтала она, устремив взор свой в синюю поднебесную даль: "Одно нежное слово из его уст... одна ласковая улыбка..."

В то же мгновение почувствовала Зазулька на своей щеке жгучий поцелуй, проникнувший в нее, как электрическая искра. Возле нее стояла ее мечта - "паныч"; он обнимал ее гибкий стан, прижимал страстно головку к своей груди, смотрел с нежностью в ее широко открытые от испуга и волнения глазки, напевал ей шепотом роскошную песню любви...

А песне этой вторили трели соловья, звезды-сплетницы замерцали быстрее, цветы запахи душистей... Чудны вы, июльские ночи!..

Время - это быстротечная струя, мчится неудержимо вперед и вперед, чтобы никогда более не возвратиться. И не умолишь минуту счастья задержать хоть чуточку, не воротишь минуты, которая заставила увлечься или ошибиться. Нельзя ее испугать, исправить...

Кончались каникулы "паныча", и он уехал из Заречья. Вся семья собралась на крыльце, чтобы проститься с ним. Из-за угла дома провожал его немой взор Зазульки. Ее широко раскрытые сухие глаза и смертельно бледное личико и как бы изломанная стать свидетельствовали о глубокой грусти и тяжком страдании. Когда "паныч", расцеловавшись с родителями и сестрами, сел в экипаж, чтобы ехать до ближайшей железнодорожной станции, и Зазульки прекратилось и без того слабое биение сердца; когда экипаж скрылся за воротами прихода - у нее как будто оборвалось что-то в груди, что-то сжалось гортанью, голова закружилась, и она без стона упала. Нашли ее вышедшие в цветник после отъезда брата, барышни, которые привели ее в сознание и напоили какими-то домашними лекарствами. Они потолковали затем о том, что могло быть причиной обморока Зазульки, и по этому случаю вспомнили, что она с некоторого времени переменялась, как будто хворает. В конце концов они пришли к заключению, что Зазулька, наверное, надорвалась за работой. Что же иное и может быть причиной обморока мужички? Одна только старая повариха Гарпина, страдавшая бессонницей, показала двусмысленно головою, погладила Зазульку ласково по головке и прошептала с участием:

- Бедная ты девчонка!

Пришла ночь, тихая, лунная ночь, родная сестра той, которая была свидетельницей первой встречи Зазульки с "панычем", подсмотрела их поцелуй, подслушала их страстную любовную песню. Зазулька не могла уснуть. Свет луны, казалось, звал ее туда, в сад, где дремало столько роскошных воспоминаний недавнего прошлого. Она выскользнула из комнаты и долго бродила по саду. Только когда утренняя свежесть развеяла золотые грезы, заплаканная девушка возвратилась, шатаясь, в дом. В дверях встретила ее опять повариха и проворчала сердито:

- Глупая ты девчонка, вот что!

Дни мчались за днями, недели за неделями. Зазулька вместо того, чтобы поправляться, была более худела. Из беззаботной жизнерадостной девушки она сделалась угрюмой и ко всему равнодушной.

Немое страдание ее не утихло, оно съедало ее душу, как ржавчина, истощало физические и душевные силы; и все-таки надежда, как сла-

Девушки-подольки

бый огонек, теплилась в глубине ее тоскующего сердца. Надежда на что? Она сама не знала. Ведь накануне разлуки "паныч" клялся ей никогда ее не забыть и скоро приехать опять в Заречье. А клятву свою запечатлел он столь пламенным поцелуем, что от него сразу высохли слезы, поневоле лившиеся из ее глаз. Надежда! Мать влюбленных и глупых.

Осень - сезон свадеб, оживленный, когда жатва была обильна, и мертвый, если хлеба не было. В этот год урожай вышел на славу, и Заречье готовилось к целому ряду свадеб.

Однажды зашла в приход - что случилось весьма редко - мать Зазульки и долго толковала о чем-то с "еймостью", женой о. Михаила. "Еймость" призвала Зазульку и объявила ей, что за нее сватается сын состоятельного хозяина, красивый Юрко, и что сегодня он намерен послать к ней сватов. В виду этого следует ей провести вечер дома у родителей, чтобы чинно отпраздновать "заручины". Зазулька поразилась это известие; она с плачем сказала, что не хочет выходить замуж ни за Юрка, ни за кого вообще, что она еще молода, больна - одним словом, отказывалась, как могла и умела. Но тут посыпались аргументы со стороны ее матери и "еймости", к которым присоединились и барышни: Юрко - прекрасная партия, которой позавидуют все девушки; она бедна, а сделавшись женой Юрка, будет в состоянии помогать семье. Наконец "еймость" обещала дать все нужное для свадьбы, "егомость" обещает их даром, а "панни" сошьют ей даже роскошное подвенечное платье. Ошеломленная этими советами и обещаниями, Зазулька с немой покорностью согласилась на все. А "еймость" тут же выдала ей на пироги муки, солонины, белых хлебов и даже, расчувствовавшись, обещала дать в приданое корову. "Панна" Маня, сверстница Зазульки, расцеловала ее и подарила ей дорогую лен-

ШПАРГАЛКА ДЛЯ ЗИЛЬБЕРТРУДА

Автор биографии Горького не читал не только его, но и Пушкина с Чеховым

До чего приятно просвещать людей, которые готовы учиться и немедленно исправлять пробелы в образовании! Либеральный литературовед Дмитрий Быков (Зильбертрод) именно таков. Издав под своей фамилией биографию Максима Горького, но так и не удосужившись прочесть его книги, Дмитрий уже месяц корректирует свою позицию согласно замечаниям нашей редакции.

«В крайне пристрастных воспоминаниях о Горьком Бунин откровенно клеветает на него, рассказывая, с каким упоением Горький в Ялте расписывал Чехову волжских купцов, которые все у него выходили какими-то сказочными богатырями. Достаточно прочесть "Фому Гордеева" или воспоминания о нижегородском миллионере Бугрове, чтобы представить себе истинное отношение Горького к этим богатырям (тем глупее было бы нахваливать их в присутствии Чехова, который сусальной удалой терпеть не мог. - Ю.Н.)», — сообщает в биографии Горького, а после указания на ошибку в статье «Цензура зильбертродов для России» в авторской программе на «Эхе Москвы» 28 февраля отношение писателя к купечеству описано уже правильно: «Конечно, Горький в "Деле Артамоновых", несколько любясь своими купцами и преобразователями, он и превеличивает их звероватость. Правильно говорит Бунин: "Послушать его, так все они были былинные богатыри". Он ими и любовался, как любовался он Бугровым в известном очерке о нём».

Правда тут же Быков заявляет, что купцы Горького «бездетны, бесплодны, в том смысле, что их дети, как Фома Гордеев, хотя и другого». Однако 3 марта дорогая редакция в статье «Кто пишет за Зильбертродом?» показала неточность тезиса и уже 8-го на том же «Эхе Москвы» автор его исправил. Оказывается, далеко не все купеческие потомки в горьковских романах и пьесах отреклись от отцовского бизнеса. Наоборот, «некоторые из них благополучно реализуются» в нём.

Теперь главное не останавливаться на достигнутом. Изучив творчество Горького, старина Зильбертрод может наконец взяться за Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева и Чехова. Или хотя бы поручить ознакомиться с их творчеством своих литературных негров. А то открываешь очередное быковское интервью, а там вся русская классика вывернута наизнанку!

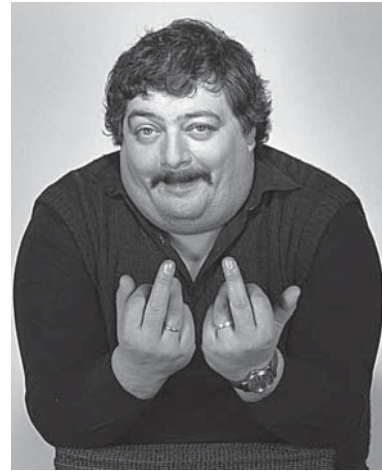
«Важнейший сюжетобразующий элемент литературы XIX века — конфликт двух архетипических героев — лишнего человека и сверхчеловека. Это дуэль лишнего Онегина и молодого гения Ленского. Печорина и Грушницкого. Павла Кирсанова и Базарова. Долохова и Пьера. У Чехова она доведена до абсурда в его повести «Дуэль». Там сталкиваются абсолютно лишние Иван Лаевский и железный Фон Корен. Но их дуэль срывает дьякон Победов. И это новый герой, который приходит на их место. Он единственный в этой повести, кто что-то делает».

Где в «Евгении Онегине» сказано о гениальности Ленского? Разумеется, ни единого намека на неё нет. Наоборот, Пушкин изящно издевается над банальными стихами персонажа:

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осмнадцать лет.

Каким боком в сверхчеловеки попадают нигилист Базаров и позёр Грушницкий? Если же считать такими Долохова с Фон Кореном — так весь мир XIX века переполнен уберменами: мало ли тогда встречалось храбрых офицеров и волевых естествоиспытателей? И почему только

дьякон в «Дуэли» работает? Зоолог Фон Корен изучает эмбриологию черноморских медуз и готовится к полярной экспедиции. Доктор Самойленко лечит, как и положено врачу. Прочие мужики тоже при деле: один в лавке торгует, другой кабак держит, третий в полиции служит... Бездельничает чиновник Лаевский, но и он после дуэли за ум берётся. Как и дьякон Победов, в итоге решивший ехать в экспедицию, хотя до того, подменяя

ухавшего лечиться коллегу, в основном удит рыбу. Честно признаваясь в лени и раздолбайстве:

«Фон Корен и дьякон допили чай и вышли на улицу.

— Вы опять на пристань бычков ловить? — спросил зоолог.

— Нет, жарковато.

— Пойдёмте ко мне. Вы упакуете у меня посылку и кое-что перепишите. Кстати, потолкуем, чем бы вам заняться. Надо работать, дьякон. Так нельзя.

— Ваши слова справедливы и логичны, — сказал дьякон, — но лень моя находит себе извинение в обстоятельствах моей настоящей жизни. Сами знаете, неопределённость положения значительно способствует апатичному состоянию людей. На время ли меня сюда прислали или навсегда, богу одному известно; я здесь живу в неизвестности, а дьяконница моя прозябает у отца и скучает. И, признаться, от жары мозги раскисли».

Освоив наследие классиков, можно переходить к современникам, чьи книги ученик Зильбертрод разъясняет, не удосужившись прочесть. Например, роман Галины Николаевой «Битва в пути», по его мнению, «не зря начинается со сцены траурного митинга после смерти Сталина». Хотя открыв книгу, школяр легко убедится: первая глава посвящена похоронам Сталина, а никакого митинга там и близко нет.

Потом следует заглянуть в «Остров Крым» Василия Аксёнова, с которым вовсе нехорошо вышло. Быков вроде и с автором знаком, и не один пюзьрь водочки с ним раздавил, а переврал содержание лучшего романа собутыльника так, что тот до сих пор в гробу вертится. И в мелочах (второстепенного персонажа Олега Степанова переименовал в Соколова), и по крупному...

«А что, если бы во время Великой Отечественной войны или ещё раньше, во время гражданской, удалось бы разбомбить перешеек и Крым оказался бы островом? Что было бы, если бы в конце десятилетия — начале двадцатых укрывшаяся там российская интеллигенция, окопавшаяся там белая гвардия, если бы в 1922 году случился бы реальный перекоп? Не просто Перекоп, как называется эта местность, а вот перекопали бы эти три версты песка и Крым оказался бы отделен от России. Что бы случилось тогда?».

Возможно, в параллельной быковской Вселенной российская интеллигенция с помощью переброшенной антисоветскими попаданцами атомной бомбы и взорвала Перекоп в 1922 году, но Аксёнов ничего подобного не писал. Красная Армия у него идёт в бой, как и в нашей реальности, в 1920-ом, но Крым — естественный остров, наступать пришлось по льду, а лёд разбили мощные орудия британского линкора. О чём с грустью вспоминает куратор операции по

присоединению Крыма к СССР, партийный чиновник Марлен Кузенков.

«Он думал об этом Острове, странным образом поместившемся чуть ли не в центре небольшого Черного моря. Какие тектонические силы провидения отделили его от материка и для чего? Уже не для того ли, чтобы задать нашему поколению русских нынешнюю мучительную задачу? Он думал о Чонгарском проливе и вспомнил День Лейтенанта Бейли-Лэнда, 20 января 1920 года, один из самых засекреченных для советского народа исторических дней, день ужасающего поражения победоносной пролетарской армии, когда против всей лавины революционных масс встал один-единственный мальчишка, англичанин, прыщавый и дурашливый. Встал и победил... Вооружившись карабином, офицерик заставил своих пушкарей остаться в башне; больше того, развернул башню в сторону наступающих колонн и открыл по ним залповый огонь гигантскими шестнадцатидюймовыми снарядами. Прицельность стрельбы не играла роли: снаряды ломали лёд, передовые колонны тонули в ледяной воде, задние смешались, началась паника».

В альтернативной Вселенной всё иначе не только по части литературы. История там тоже течёт своим путём. Не зря же Зильбертрод призывает не забывать «стихи Тютчева, которыми он приветствовал возвращение Крыма после Крымской войны, когда Горчаков его вернул: "Море лобзает берег своей родной"».

Понятно? У нас по итогам войны 1853-1856 гг. британцы, французы и турки устье Дуная отобрали и запретили держать военный флот на Чёрном море, а в 1870-ом канцлер Горчаков отказался соблюдать запрет. В быковской России гораздо хуже: враги Крым завоевали! И в советские времена события развивались совсем по-иному.

«Первая оттепель, по 1958 году, будем откровенны, закончилась трагически. Она закончилась травлей Пастернака, разгромом венгерского восстания, новой волной ужесточений, и только в 1961 году, когда Хрущёву понадобилась интеллигенция в качестве союзника против сталинских соколов, Молотова-Маленкова-Кагановича, вот здесь она на интеллигенцию опять оперся, и случился новый прорыв. Случился XXII съезд, Сталина вынесли из мавзолея».

Пленум ЦК КПСС 22-29 июня 1957 года постановил «вывести из состава членов Президиума ЦК и из состава ЦК тт. Маленкова, Кагановича и Молотова»? Все трое низвергнутых превратились в политические трупы? Кагановича назначили директором Уральского горно-обогатительного завода, Маленкова послали руководить электростанцией в Усть-Каменогорске, а Молотова отправили послом в Монголию? В Советском Союзе, где в семье кандидата медицинских наук Льва Зильбертрода и учительницы литературы Натальи Быковой родился многообещающий мальчик Дима, — несомненно! В загадочном мире, о котором выдаёт бесчисленные статьи и лекции подросшее дитяtko, всё наоборот. Там сталинские соколы встретили 1961 год на своих кремлёвских насестах, а Хрущёву, чтобы их согнать, пришлось бросить в бой лучшие силы интеллигенции! Лично Евтушенко из рогатки стрелял, а Вознесенский с Окуджавой из трубочек плевалось!

Приведёт ли Быков свои курсы альтернативной истории и литературы в соответствии с реальностью, воспользовавшись нашей бескорыстной шпаргалкой? Если и нет — ничего страшного. Только министерству просвещения, рекомендуя его труды для институтов и школ, надо помнить: речь идёт именно о событиях и книгах иных миров. Иначе детишки пострадают могут. Законоспектируют лекции, а экзамены по литературе и истории пойдут сдавать угрюмому реалисту. Тот послушает, решит, что над ним издеваются, да и зарежет.

Юрий НЕРСЕСОВ
<http://www.apn-spb.ru/publications/article29985.htm>

ту. Зазулька, как автомат, поплелась за матерью домой, неспособная дать себе отчета в том, что с нею происходит.

На следующий день все Заречье толковало об обручении Зазульки с богатым Юрком. Девушки завидовали ей, парни ему, а бабы славляли щедрость «ейности» и барышень. Родители Зазульки благодарили бога за счастье, доставшееся на долю дочери и делали приготовления к свадьбе, назначенной через три недели. Одна Зазулька, виновница всех этих хлопот, толков и радостей, относилась ко всему безучастно. Только, когда пришла в приход за своими пожитками, когда на прощание поцеловала руку старой Гарпине, а та дрожащим от радости голосом воскликнула: «Теперь и беде конец!» — только тогда Зазулька не выдержала, прижалась к ее груди и истерически разрыдалась.

На свадьбу Зазульки сошлось все Заречье. В тесной хате душно, как в бане. Зазульку, наряженную под венец, с позолоченным и увешанным лентами венком из барвинка на голове посадили за столом на скамье, покрытой вывороченным кожухом, «на посаге». Музыка, состоящая из скрипки, басы и «решетца» — увешанный колокольчиками барабанец — играет заунывную мелодию, а дружки и за ними прочие девушки во весь голос поют «посажную» песню:

Ой летели гусоньки по-над став,
Посадили Зазульку на посаг...

Чинно приближаются свадебные гости к столу. Обертывают руку платком, вынимают его из кармана кто один-два крейцера, кто «шестку», и бросают в стоящую перед «молодой» миску. За то получают от нее стаканчик меда, к которому она должна прикоснуться устами. Затем целуются с ней и уходят так же чинно, уступая место другим. «Посажный» обряд в полном разгаре.

Но Зазулька как будто не видит и не слышит ничего. В лице ее нет ни кровинки, глаза как будто закрылись.

— Ничего, — толкуют бабы, — еще молодая, утомлена свадебными приготовлениями: выпитая, отдохнет и выйдет из нее молодница на славу.

— Место, дайте место! — послышались крики в сенях.

Люди начали жаться в углы и на середине комнаты образовался проход. В комнату вошли барышни Юзя и Маня в сопровождении старой Гарпины, а за ними «паньч» Виктор. Оказали Зазулке честь, какой в Заречье ни знала, вероятно, ни одна «молодая»...

Но «паньч» — откуда он тут взялся? Приехал случайно утром того же дня. Сестры собирались на свадьбу Зазульки и уговорили его пойти с ними также.

— Оригинальная крестьянская свадьба, — убеждали его сестры, — стоит посмотреть.

— Все равно, как на зрелище, — усмехнулся «паньч» и пошел.

Высокие гости приблизились к столу. Барышни бросили в миску по серебряному гульдену и уступили место своему брату. «Паньч» добыл из кармана десятигульденовую бумажку, развернул ее для большего эффекта, важно положил в миску и сказал с снисходительной улыбкой:

— Что же, Зазулька, со мною не хочешь поцеловаться?

А Зазулька стояла ни жива, ни мертва. Только глаза ее, устремленные на «паньча», горели неестественным блеском, да грудь поднималась от учащенного дыхания. «Паньч» взял ее за руку, притянул к себе и поцеловал громко в полураскрытые уста. Комната задрожала от веселого хохота свадебных гостей.

Посидев несколько минут, барышни и «паньч» ушли, довольные своим великодушным поступком.

А «посажный» обряд продолжался дальше, музыка играла все громче и веселее, гости толковали о десятигульденовой бумажке «паньча»...

Зазулька почувствовала, что не выдержит в душевной хате. Голова у нее кружилась и сердце билось лихорадочно. Она попросила дружек выпустить ее из-за стола и выскользнула из хаты.

— Напиться бы воды, — мелькнуло у нее в голове.

Она медленно пошла к колодезю, находившемуся в саду. Колодезь был с «журавлем» — подвижною длинною жердью на высоком столбе, к одному концу которой привешивается ведро для доставания воды. Дрожащею рукою начала Зазулька спускать ведро в колодезь и невольюно посмотрела вниз. А там на дне приветствовал ее чудный волшебный мир. В зеркале воды отражался темно-голубой свод неба, усеянный звездами: серебряный месяц как будто улыбался ей и манил в пределы этого волшебного мира, дышащего спокойствием и блаженством. Вдруг лик месяца стал изменяться: у него явились черные глаза и шелковые усы. Зазулька показала, что это улыбается — «паньч», поцелуй которого еще горел у нее на устах... Ведро вырвалось из ее рук и жердь со скрипом поднялась вверх... А Зазулька все пристальнее всматривалась в дно колодезя и все ниже нагибалась.

— Паньчу, паньчу! — безумно вскрикнула она и протянула руки. Раздался плеск...

У колодезя воцарилась тишина. Луна торопливо скрылась за серую тучку и поплыла дальше по безбрежному небесному морю.

Отсутствие Зазульки обеспокоило, наконец, дружек и свадебных гостей. Начали ее звать, но ответа не было, принялись за поиски, посмотрели в каждый угол двора, но Зазульки не было нигде.

Неужели же ушла, бежала от собственного счастья? Или случилось с нею какое-нибудь несчастье? Поиски были предприняты снова, но уже с фонарем и двумя подыконными свечами. Наконец нашли на дне колодезя труп Зазульки.

В хате, где полчаса тому назад раздавались звуки свадебных песен, царила мертвая тишина. Гости разбежались за исключением двух-трех старух соседок. На скамье, на которой недавно сидела «на посаге» Зазулька, лежало ее бездыханное тело со свадебным венком на голове, с которого падали на землю капли воды. А на бледном ее личике играла улыбка блаженства, как будто свидетельствующая о том, что ей удалось, наконец, постичь тайну мира и пробраться туда, идиже несть болезни, ни печали...

Ранним утром явился в приход отец Зазульки, чтобы доложить о. Михаилу о смерти своей дочери и добиться разрешения терзавшего его всю ночь вопроса: отнимут ли у него подаренную Зазулке корову или же оставят ее за ним? Семью о. Михаила глубоко поразило известие о смерти Зазульки. Барышни чуть не упали в обморок и разразились плачем, а «паньч» заявил решительно, что принужден сейчас же уезжать.

— Жаль девки, — толковали в селе.

— И что это с ней такое случилось? Наверное, опьянела и голова у нее закружилась... — рассуждали между собою бабы

А старая Гарпина, отирая рукавом слезы, качала головою и повторяла про себя

— Бедная, бедная Зазулька!

Стихотворение Владимира Луцка

СЛЕЗЫ
Даром слез никогда я не лил!
Если боль мою душу терзала,
добывал я к борьбе с ней всех сил,
воля сильная все побеждала!

И застыли под сердцем оне — и остался запас их обильный — и тяжел он становится мне — и давит, будто камень могильный...

Хоть на миг мне хотелось бы днесь, лишь на миг стать безыльным ребенком:

я в слезу превратился бы весь, в плаче весь я растаял бы громком!

И на крыльях мечты золотой моя мать бы ко мне прилетела, нежной лаской, любовью святой она боль бы мою ододела...